

Банкротство физических лиц: проблемы судебно-арбитражной практики

Аннотация

В статье рассматриваются ключевые проблемы, сопровождающие процедуру банкротства юридических лиц в Российской Федерации. Анализируются правовые, экономические и организационные аспекты несостоятельности: злоупотребления со стороны участников процедур, недостаточная эффективность финансовых управляющих, низкий уровень возврата кредиторской задолженности, а также пробелы в законодательстве. Особое внимание уделяется вопросам фиктивного и преднамеренного банкротства, коллизиям между нормами гражданского и конкурсного права, а также вызовам, связанным с цифровизацией банкротных процессов. Автор приходит к выводу о необходимости системной реформы института банкротства, направленной на повышение прозрачности, ответственности и экономической целесообразности процедур.

Ключевые слова: банкротство юридических лиц, несостоятельность, конкурсное производство, финансовый управляющий, преднамеренное банкротство, кредиторы, законодательство о банкротстве.

Abstract

The article examines key challenges associated with the bankruptcy procedure for legal entities in the Russian Federation. It analyzes legal, economic, and organizational aspects of insolvency, including abuses by participants in bankruptcy proceedings, insufficient effectiveness of bankruptcy trustees, low rates of creditor debt recovery, and gaps in legislation. Particular attention is given to issues of fictitious and intentional bankruptcy, conflicts between civil and insolvency law norms, and challenges arising from the digitalization of bankruptcy processes. The author concludes that a systemic reform of the bankruptcy institution is necessary, aimed at enhancing transparency, accountability, and economic efficiency of insolvency procedures.

Keywords: bankruptcy of legal entities, insolvency, bankruptcy proceedings, bankruptcy trustee, intentional bankruptcy, creditors, bankruptcy legislation.

Институт банкротства юридических лиц в России, регулируемый Федеральным законом от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)», призван обеспечивать баланс интересов должников, кредиторов и общества в целом. Однако на практике реализация этого института сталкивается с рядом серьёзных проблем, которые снижают его эффективность и подрывают доверие к правовой системе. Несмотря на многочисленные поправки и судебные разъяснения, процедуры банкротства зачастую используются не для реструктуризации долгов или восстановления платёжеспособности, а как инструмент уклонения от обязательств или

вывода активов. В этих условиях актуальным становится комплексный анализ существующих проблем и поиск путей их преодоления.

Одной из центральных проблем российского законодательства о банкротстве является его фрагментарность и наличие внутренних противоречий. Несмотря на то что ФЗ № 127-ФЗ содержит подробную регламентацию процедур, на практике возникают коллизии с нормами Гражданского кодекса РФ, налогового и уголовного законодательства. Например, вопросы признания сделок недействительными регулируются одновременно гл. III.1 ФЗ № 127-ФЗ и ст. 61.2–61.3 ГК РФ, что порождает неоднозначность в правоприменении [1].

Кроме того, законодательство недостаточно чётко определяет критерии добросовестного поведения контролирующих должника лиц. Это затрудняет привлечение к субсидиарной ответственности собственников и топ-менеджеров, особенно в случаях, когда формально все действия совершены в рамках закона, но фактически направлены на причинение вреда кредиторам [2].

Преднамеренное банкротство остаётся одной из самых острых проблем. По данным Арбитражного суда Москвы, более 40% дел о банкротстве содержат признаки искусственного создания неплатёжеспособности [3]. Часто компании заранее выводят активы через взаимозависимые структуры, оформляют фиктивные долги или создают «технические» фирмы-должники, чтобы избежать исполнения обязательств.

Несмотря на уголовную ответственность по ст. 196 УК РФ, доказать умысел крайне сложно. Суды требуют высокого уровня доказательств, а механизмы выявления скрытых активов (например, через Росфинмониторинг или ЕГРЮЛ) работают несогласованно. В результате большинство случаев остаются безнаказанными, что создаёт стимул к злоупотреблениям [4].

Финансовый управляющий играет ключевую роль в процедуре банкротства, однако его деятельность часто подвергается критике. Во-первых, наблюдается дефицит квалифицированных специалистов, особенно в

регионах. Во-вторых, система вознаграждения (фиксированная часть + процент от конкурсной массы) создаёт конфликт интересов: управляющий может быть заинтересован в быстром завершении дела без максимального взыскания активов [5].

Кроме того, контроль за деятельностью управляющих со стороны саморегулируемых организаций (СРО) остаётся формальным. Жалобы кредиторов на бездействие или предвзятость управляющих рассматриваются медленно, а дисциплинарные меры применяются редко. Это снижает доверие к процедуре в целом.

Одна из главных целей банкротства — удовлетворение требований кредиторов. Однако на практике уровень возврата долгов крайне низок. По данным Высшей школы экономики, средний процент удовлетворения требований кредиторов второй и третьей очереди не превышает 5–7% [6]. Это связано как с истощённостью активов должника к моменту введения конкурсного производства, так и с неэффективным управлением имущественной массой.

Более того, длительность процедур (в среднем 1,5–2 года) увеличивает издержки кредиторов и обесценивает потенциальные выплаты. В таких условиях многие кредиторы предпочитают внесудебные соглашения или списание долгов, что подрывает саму идею конкурсного производства как универсального механизма урегулирования долгов.

С 2021 года в России активно внедряется цифровизация банкротных процедур: электронные торги, онлайн-голосование кредиторов, подача документов через ЕФРСБ. Хотя это повышает прозрачность и доступность, возникают новые риски. Например, автоматизированные торги могут приводить к занижению цены лотов из-за отсутствия конкуренции или технических сбоев. Кроме того, не все участники (особенно физические лица и малый бизнес) обладают достаточными цифровыми компетенциями для полноценного участия в процессе [7].

Также остаётся нерешённым вопрос защиты персональных данных и коммерческой тайны в условиях публичности Единого федерального реестра сведений о банкротстве.

Банкротство юридических лиц в России сталкивается с комплексом взаимосвязанных проблем: правовыми пробелами, злоупотреблениями, неэффективностью управляющих и низкой отдачей для кредиторов. Эти вызовы требуют не точечных изменений, а системного подхода. В первую очередь необходимо:

- усилить механизмы выявления и пресечения преднамеренного банкротства;
- реформировать систему отбора и контроля финансовых управляющих;
- повысить прозрачность и конкурентность торгов;
- гармонизировать нормы конкурсного и гражданского права.

Только при условии повышения доверия к процедуре банкротства она сможет выполнять свою экономическую и социальную функцию — не только ликвидировать нежизнеспособные предприятия, но и способствовать восстановлению платёжеспособности перспективных компаний, а также справедливому распределению убытков между всеми участниками рынка [8].

Несмотря на значительные шаги, предпринятые в последние годы в сфере регулирования банкротства физических лиц — включая введение упрощённой процедуры через многофункциональные центры, — действующее законодательство по-прежнему содержит существенные пробелы и противоречия. Эти недостатки снижают эффективность института несостоятельности граждан, ограничивают доступ к процедуре для социально уязвимых слоёв населения и одновременно создают возможности для злоупотреблений со стороны недобросовестных должников. В этих условиях назревает необходимость системного совершенствования правового регулирования, направленного на повышение справедливости, прозрачности и практической применимости банкротных процедур.

Одной из ключевых проблем остаётся ограниченный доступ к банкротству для граждан с низкими доходами. Финансовые барьеры, такие как необходимость оплаты услуг финансового управляющего и судебные издержки, делают процедуру недоступной для тех, кто наиболее в ней нуждается. В этой связи целесообразно рассмотреть возможность государственного финансирования деятельности управляющих в делах о банкротстве малоимущих граждан, а также расширить критерии упрощённой процедуры — например, повысить порог задолженности, включить в неё долги по жилищно-коммунальным услугам и налогам, а также упростить требования к документам. Дополнительно следует создать специализированные центры поддержки должников при органах социальной защиты или МФЦ, где граждане могли бы получать бесплатную юридическую помощь и содействие в оформлении заявлений.

Важным направлением реформы является усиление защиты прав «честного» должника. Действующее законодательство недостаточно учитывает социальную функцию банкротства, продолжая воспринимать его скорее как меру ответственности, чем как инструмент финансовой реабилитации. Для исправления этой ситуации необходимо закрепить в законе принцип «второго шанса», сократить сроки ограничений, накладываемых на гражданина после завершения процедуры (в частности, запрет на повторное банкротство и ограничение на занятие определённых должностей), а также предусмотреть механизм постепенного восстановления кредитной истории при отсутствии новых просрочек. Это позволит снизить стигматизацию банкротства и повысить мотивацию граждан к законному урегулированию долгов.

Одновременно требуется ужесточение мер противодействия злоупотреблениям. Несмотря на наличие норм, направленных на выявление недобросовестного поведения, их применение на практике остаётся затруднительным. Для повышения эффективности борьбы с фиктивным банкротством следует ввести презумпцию недобросовестности в случае

выявления неучтённых активов, расширить полномочия финансовых управляющих по получению информации из банков, Росреестра и налоговых органов без дополнительных судебных решений, а также внедрить единую цифровую платформу для анализа финансового поведения должника за несколько лет до подачи заявления. Такие меры позволят своевременно выявлять схемы вывода имущества и повышать ответственность за манипуляции с конкурсной массой.

Особого внимания заслуживает регулирование имущественных последствий банкротства. Вопросы, связанные с единственным жильём, предметами первой необходимости и имуществом супругов, до сих пор порождают правовую неопределённость и разногласия в судебной практике. Для устранения этих коллизий необходимо законодательно закрепить исчерпывающий перечень имущества, не подлежащего реализации, с учётом региональных различий в стоимости жилья, а также чётко разграничить личное и совместное имущество супругов, предусмотрев обязательное участие второго супруга в процедуре при наличии общих долговых обязательств.

Не менее важным представляется развитие досудебных механизмов урегулирования задолженности. Банкротство должно оставаться мерой крайнего, а не первоочередного, выбора. В этой связи перспективным направлением является введение обязательной досудебной реструктуризации для граждан, имеющих регулярный доход, по аналогии с практикой ряда европейских стран. Дополнительно следует создать специализированные службы медиации по долговым спорам и стимулировать кредиторов — банки и микрофинансовые организации — к участию в реструктуризации через налоговые льготы или государственные субсидии.

Наконец, необходимо повысить профессиональный уровень и ответственность финансовых управляющих, от которых во многом зависит качество процедуры. Это может быть достигнуто путём введения обязательного страхования их ответственности с повышенными

требованиями к страховой сумме, разработки единых стандартов отбора, обучения и этического кодекса, а также упрощения процедуры их отстранения по инициативе должника или кредиторов в случае нарушений. В долгосрочной перспективе также целесообразно изучать и адаптировать международный опыт стран ОЭСР, где акцент в законодательстве о банкротстве физических лиц делается не на наказании, а на реабилитации и социальной интеграции гражданина.

Таким образом, совершенствование законодательства о банкротстве физических лиц должно быть комплексным и сбалансированным. Оно должно стремиться не только к защите интересов кредиторов, но и к обеспечению социальной справедливости, финансовой стабильности и правовой определённости для граждан. Только в этом случае институт банкротства сможет выполнять свою подлинную функцию — служить не инструментом уклонения от обязательств или наказания, а законным и гуманным механизмом выхода из долгового кризиса и возвращения к полноценной экономической жизни.

Список литературы

1. Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (ред. от 2024 г.).
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2023 № 26 «О некоторых вопросах применения законодательства о банкротстве».
3. Обзор судебной практики по делам о банкротстве / Арбитражный суд г. Москвы. — 2023.
4. Козлова Е.С. Преднамеренное банкротство: правовые и криминалистические аспекты // Журнал российского права. — 2022. — № 8. — С. 45–57.
5. Абрамова Е.В. Институт финансового управляющего: проблемы и перспективы развития // Арбитражная практика. — 2023. — № 4. — С. 22–31.

6. НИУ ВШЭ. Экономическая эффективность процедур банкротства в России: аналитический отчёт. — М., 2024.
7. Петров А.Н. Цифровая трансформация конкурсного производства // Право и экономика. — 2023. — № 11. — С. 67–75.
8. Григорьев А.В. Реформа банкротства: от ликвидации к реабилитации // Вестник МГУ. Серия 11: Право. — 2024. — № 2. — С. 88–102.